

ПИСЬМА к М. В. КАРАМЗИНОЙ

1937—1940

Предисловие и публикация А. К. Бабореко

Мария Владимировна Карамзина (рожд. Максимова; 1900—1942) родилась в Петербурге. Здесь прошли ее детство и студенческие годы. По окончании университета она вышла замуж за И. Д. Гримма, сына известного в Петербурге профессора римского права Д. Д. Гримма, ставшего затем профессором Тартуского университета в Эстонии¹. В 1929 г. Мария Владимировна разошлась с первым мужем, вышла замуж за Василия Александровича Карамзина и поселилась в г. Кивиыли. С нею жил сын Константин (от первого брака), потом родились еще два сына — Александр и Михаил.

В. А. Карамзин (1885—1941) был правнуком Александра Михайловича Карамзина, брата знаменитого писателя и историографа. Он родился в Самарской губернии в семье известного зоолога и орнитолога А. Н. Карамзина, окончил Петербургский университет, работал инженером на сланцевом комбинате в Эстонии².

М. В. Карамзина «в совершенстве владела английским, немецким, французским и некоторыми другими языками. Кроме того, она очень хорошо рисовала»³. Она писала стихи, рассказы, литературно-критические статьи. В 1939 г. в Нарве вышел сборник ее стихотворений «Ковчег». Стихи ее, написанные в традициях русской классической поэзии, были замечены критикой и вызвали сочувственные отклики (Г. В. Адамовича, П. М. Пильского, В. Ф. Ходасевича и др.). Бунин привлекло в ее книге заглавное стихотворение «Ковчег»:

Светил и туч полночный бег,
Струй низвергающихся топот.
Душа — кочующий ковчег
В волнах любовного потопа.

Я жду, когда сойдет вода
С вершины древней Арарата,—
Я знаю, знаю, что тогда
Вновь будет песнь моя крылата.

Ее, дрожащую, словлю
На дне души узорной сеткой
И в просиявший мир пошлю
За первой масляною веткой.

Бунин был любимым писателем Карамзиной. Именно поэтому она решилась в 1935 г. написать ему и послать на его суд свои стихи. Переписка между ними началась с 1937 г., после того как она получила, с большим опозданием, ответ Бунина на свое первое обращение к нему. В мае 1938 г., когда Бунин, совершавший поездку по Прибалтике, посетил Тарту, состоялось их личное знакомство.

Хотя их переписка продолжалась недолго (до июля 1940 г.), она содержит обильный и ценный материал для изучения жизни и творчества Бунина.

Он дорожил дружбой этой незаурядной и оригинальной женщины, восхищался ее умом, всячески поддерживал ее веру в свои силы, надеясь, что она со временем разовьет свой литературный дар в большей степени, чем он проявился в опубликованных стихах, нередко, по ее собственному мнению, ученических и подражательных.

В письмах к Карамзиной Бунин откровенно — как другу — писал о своей жизни, о работе над своими произведениями. Эти признания важны для понимания таких его шедевров, как «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева». Подкупающей искренно-

стью своих писем, необыкновенно увлекательных, полных тонких наблюдений и мыслей, Карамзина вызывала его на откровенные суждения о его собственных произведениях. Он писал ей о Лике, о той, в ком видели прообраз его героини, делился своими мыслями о Толстом. В письмах к Карамзиной Бунин отбрасывал обычную сдержанность, которая характерна для его эпистолярной манеры, он писал ей свободно, с открытой душой — и это придает своеобразие публикуемым ниже письмам.

Память об этой разносторонне одаренной женщине сохранили люди, близкие к ней или встречавшиеся с нею. По словам В. В. Шмидт, которую связывала с Карамзиной тесная дружба, «ее большой ум в соединении с тонкой женственностью» придавали «обаятельность ее чертам, ее образу»⁴. Л. Ф. Зуров, которого познакомили с Карамзиной в Русском студенческом обществе Тарту, писал, что он навсегда запомнил ее по этой единственной встрече: «Высокая, с темными тонкими волосами, разобранными на косой пробор, загоревшая за лето до такой степени, что она казалась от рождения смуглой, с узкими, по восточному таинственными, темными, немного раскосыми глазами, она выделялась среди студенческой провинциальной молодежи. Чистый и умный лоб, легко раскинутые брови, мягкость и женственность удлиненного лица. Ее лицо мне тогда показалось внутренне взволнованным и усталым. В ее лице чувствовалась не только европейская, но и восточная кровь, а ее длинные филигранные серьги, словно найденные в скифском кургане, напоминали об эллинских колониях на берегу Черного моря»⁵.

Письма Бунина к Карамзиной печатаются по автографам, переданным ею в 1941 г. В. В. Шмидт, которая предоставила их в 1967 г. в распоряжение автора настоящих строк. От души благодарю ее за это. В публикацию включены все сохранившиеся письма. Отсутствуют в коллекции четыре письма, от которых имеются только конверты: 1) 30 мая 1938 г., 2) 4 января 1939 г., 3) 13 января 1939 г. и 4) 23.<?>. 1939 г. — с неясной цифрой месяца на почтовом штемпеле.

Вместе с письмами Бунина В. В. Шмидт передала и некоторые другие материалы из архива Карамзиной:

1. Рассказы Бунина «Звезда любви» (позднейшее заглавие «Полуночная зарница») и «Преображение» — оттиск из журн. «Современные записки», 1924, кн. XX;
2. Газетные вырезки с его же рассказами «Варианты», гл. I, «Варианты», гл. II и «Баллада» (см. п. 4 и примеч. к нему);
3. Газетные вырезки с его же рассказами « Степа », «Муза» и «Поздний час» (см. п. 14 и примеч. 5 к нему);
4. Два письма (черновые) Карамзиной к В. Ф. Ходасевичу (12 декабря 1927 г. и 9 сентября 1935 г.), письмо Ходасевича к ней 7 марта 1931 г. и шесть ее стихотворений с пометами Ходасевича;
5. Шесть писем И. С. Шмелева к Карамзиной (11 декабря 1934 г., 31 мая 1935 г., 19 сентября 1936 г., 14 марта 1937 г., 28 апреля 1937 г., 24 февраля 1939 г.).

После выхода в свет настоящего тома все эти материалы будут переданы в Отдел рукописей ГБЛ.

В парижском архиве Бунина сохранились, как писал Л. Ф. Зуров, следующие материалы Карамзиной: 26 ее писем к Бунину и 12 открыток к нему же, две фотографии, автографы стихов и двух прозаических произведений — «Этюд» и «Аврора». Приводимые ниже выдержки из писем Карамзиной сообщены Л. Ф. Зуровым.

¹ По сообщению К. Н. Бежаницкой (о ней см. в воспоминаниях В. В. Шмидт — настоящ. том, кн. 2), И. Д. Grimm тоже читал лекции на юридическом факультете. После войны он оказался перемещенным лицом и умер в Австралии в 1968 г. Д. Д. Grimm умер в Риге, после оккупации гитлеровской Германией Прибалтики (письмо к А. К. Бабореко, сентябрь 1968 г.).

² Сообщено М. В. Карамзиным (письмо к А. К. Бабореко 23 сентября 1968 г.).

³ Там же.

⁴ Из письма к А. К. Бабореко. О В. В. Шмидт см. настоящ. том, кн. 2.

⁵ Из письма к А. К. Бабореко 15 мая 1968 г.

БУНИН

Фотография Липницкого. Париж, 1930

С автографической подписью: «Ив. Бунин. Париж, 1930 г. Ivan Bunin. Paris»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1

1, rue Jacques Offenbach, Paris, 16
<9 декабря 1937 г.>

Многоуважаемая Мария Владимировна,

Случилось нечто необыкновенное — я только сегодня нашел и прочел и стихи¹ и статью ваши. Был бы *очень* рад помочь вам напечатать что-нибудь из них — из стихов, — но не имею к тому никакой возможности: куда их дать? Единственное место — журнал «Современные записки»². Но он выходит всего раза три в год и всегда завален стихами «своих». Все же, если вам будет угодно, я передам ваши стихи редактору стихотворного отдела этого журнала.

Что до качества их, то, верно, вы и сами его знаете, — только сомневаетесь в себе порой. Я читал их с истинным удовольствием, радуясь их благородству и талантливости.

Пожалуйста, простите меня, без вины виноватого, за столь поздний, неправдоподобно поздний ответ.

Ив. Б у н и н

9.XII. 37

На конверте: Madame Marie Karamzina. Kiviõli, Estonie. Exp.: Ivan Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris, 16. Почт. шт.: Paris, 10.XII.1937.

Ответ на письмо Карамзиной 26 ноября 1935 г.:

«Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Решаюсь послать вам на суд несколько моих стихотворений и одну статью. Прошу вас простить меня за то, что делаю это так, без спросу, не будучи знакомой с вами, в одной надежде на вашу снисходительность к факту присылки, на вашу отзывчивость, — то есть на то, чтобы прочтете присланное, — и на строгость вашего, бесконечно для меня ценного суждения.

Мне 35 лет, я мать троих сыновей, живу в глуши, в условиях, обычных для эмигрантской жизни, то есть только урывками могу писать и почти не могу работать над написанным. За несколько лет у меня все же накопилось довольно много стихов<...>

Часто мне кажется, что если даже прежде какая-то искорка во мне была, то теперь она совсем угасла. Временами же, особенно когда читаю стихи молодых поэтов в „Современных записках“ и в других журналах, меня охватывает чувство похожее на ревность...»

В ответном письме 19 декабря 1937 г. Карамзина писала:

«Сердечное спасибо вам за ваше письмо. Я очень тронута тем, что вы, прочтя теперь мои стихи и статью, все же написали мне, невзирая на долгий промежуток времени с момента посылки моего вам письма. Благодарю вас также за любезное ваше предложение помочь мне — отдать мои стихи в „Современные записки“ <...>

Мы с мужем живем в порядочной глуши, в большом (для Эстонии) заводском центре, на сланцевых разработках, приблизительно на полпути из Ревеля в Нарву. Здесь соединение сельской природы с городской цивилизацией: лес, поля, окрестные деревни — и электричество, радио, спортивный плац, кинематографы и т. д. Муж мой, Василий Александрович Карамзин, учился в Московской 5 гимназии вместе с братьями Веры Николаевны — Всеволодом и Дмитрием Николаевичами. Мне хотелось бы о многом рассказать вам потому, что я тронута вашим откликом и потому, что я давно и крепко люблю ваше прекрасное творчество...»

¹ В архиве Бунина сохранилось несколько стихотворений Карамзиной. Какие из них были присланы с письмом 26 ноября 1935 г. — неизвестно.

² «Современные записки» — общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в Париже в 1920—1940 гг. группой эмигрантов-эсеров. Были ли напечатаны в «Современных записках» стихи Карамзиной, остается неустановленным.

2

<Париж, 29 декабря 1937 г.>

Дорогая Мария Владимировна,

я передаю в «Современные записки» все, что вы прислали мне в прошлом году и теперь. Журнал выходит всего три раза в год и богат стихами сверх меры, так что надежд у меня мало. Но все же надо попытаться. Сердечный привет!

Ваш Ив. Б у н и н

На обороте: Madame Maria Karamzina. Raudtee tän 43—2, Kiviõli, Estonie. Eesti. Почт. шт.: Paris, 29. XII. 1937.

Открытка с фотографией и подписью: Paris. La Basilique de Montmartre. Место и дата отправления определены по почтовому штемпелю.

Бунин послал одновременно с этой открыткой одну из своих книг, как это видно из ответного письма Карамзиной от начала января 1938 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич! Вы вряд ли можете себе представить, какую радость доставили мне вашим чудным письмом. Горячо благодарю вас за него! Мне давно хотелось иметь эту книгу, и вот я получила ее от вас с вашей надписью, с вашей фотографией нежданно-негаданно в утро нового года. Спасибо за эту радость! Спасибо сердечное и за передачу стихов в „Современные записки“. Пусть будет что будет<...>

Сегодня в русской газете сообщение о том, что два ваших доклада ожидаются в Риге около 20 января. Если это правда и если вы поедете и в Эстонию, — *дайте знать!* Мы живем на полпути между Ревелем и Нарвой, муж не может покинуть завод, но я, бог даст, приеду в Ревель. И мы были бы безгранично счастливы приветствовать у нас вас и Веру Николаевну, если бы вы согласились сделать остановку в Kiviõli на пути в Нарву».

Приезду в Эстонию и встрече с Карамзиной предшествовало еще одно несохранившееся письмо Бунина, в ответ на которое Карамзина писала ему 23 февраля 1938 г.:

«Есть преемственная связь с прошлым, я ее очень остро ощущаю, и часто связь с ушедшими уже людьми для меня реальнее и насущнее, чем с живыми. Оттого, между прочим, не могу равнодушно относиться к изображению этих людей или их творчества теми, кто воспринимает их иначе, чем мне представляется правильным. Так, например, книга Берберовой о Чайковском (Н. Берберова. Чайковский. Берлин, 1936. — А. Б.) занимательна, но душе она претит, и я знаю, что настоящей правды о Чайковском в этой книге нет, как не чувствуется в ней музыки. А Чайковский вне музыкальной стихии есть только пациент какой-то <...>

Вот уже восемь лет как жизнь моя очень полна. Я счастлива в браке, у меня три сына, один от первого моего мужа, Ивана Давыдовича Гримма, — ему уже скоро 15 лет — и два маленьких Карамзёнка. Сознаю свое счастье постоянно, ежеминутно страшусь за него и благодарю бога. Видите ли: *je ne suis pas séparée de ce que j'aime. Mais c'est vers la grande et l'unique renaissance que mon âme est destinée à se tendre...** Я не люблю слова „счастье“. В него по привычке вкладывают какой-то ложный смысл. Быть счастливой обычно означает быть забронированной от несчастий. Мое же счастье не броня, а наоборот — раскрытость души, тревожность, уязвимость ее как горестным, так и радостным. А „l'océan des larmes“? ** — без слез нельзя, и они большая отрада. И горе и радость всегда со слезами. Ваша мать это знала...»

3

1, rue Jacques Offenbach. Paris, 16
28 мая 1938 г.

Дорогая моя, — простите, что не пишу имени-отчества, я несколько раз прочитал ваш «Этюд» — и много бы дал за возможность поговорить с вами о нем устно! А раз этой возможности нет, скажу только, что все в нем прекрасно — и бесконечно грустно. Как это удивительно, что мы больше никогда, может быть, не увидимся! Да и в те дни как мало я видел вас! Почему, например, не побыли мы с вами хоть полчаса после моего чтения, после того, как вы зашли ко мне за кулисы? ¹ (Никогда не забуду всего того очарования, которым вы были полны в ту минуту.) Да и одно ли это?

Сейчас опять взглянул на последнюю страницу вашего «Этюда». Целую вашу руку.

Ваш Ив. Б.

Р. С. Пробуду в Париже до середины июня. Потом поеду на Ривьеру (если не будет больших событий).

Вера Николаевна и Галина Николаевна ² благодарят вас за привет.

* я не разлучена с тем, что я люблю. Но назначение моей души — стремиться к великому и единственному возрождению (франц.).

** океан слез (франц.).

На конверте: Madame M. V. Karamzina. Raudtee tän 43—2, Kiviõli, Eesti, Esthonia. Exp.: Iv. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. Почт. шт.: Paris, 28.V.1938; Kiviõli, 31.V.38.

Ответ на присланный Карамзиной «Этюд». В этом лирическом письме, датированном 14 мая 1938 г., она вспоминала о встрече с Буниным и о последних часах, проведенных с ним в вагоне поезда:

«Наступил час, когда по стуку колес быстро мчавшегося поезда, по мерному подрагиванию коричневой занавески на окне купе, по шелесту газет, которые перелистывались двумя толстыми чужими мужчинами на противоположном диване, я узнала, что разлука близка и неотвратима. За окном проплывали бледно-зеленые луга, черные пашни, перелески, серые кустарники, низкое, местами беловатое, с ртутно-серебристыми просветами небо. Я помню блестящую медную палку перед окном в коридоре вагона, на которую опирались мы оба, глядя на все густеющую над горизонтом низкую тучу, предвещающую не весенний, веселый ливень, но серый, холодный, как осенью, дождь. У меня были сухие глаза и чуть-чуть горели уши, — я дотронулась ледяными пальцами до мочки правого уха и поправила длинную филигранную серьгу, цепляющуюся за высокий пушистый мех моего воротника.

В коридоре вагона были еще другие пассажиры. Помню одно молодое женское, равнодушно-любопытное лицо с небольшими темными глазами(...) А за окном уже мелькали строения, а поезд уже замедлял свой ход, и колеса постукивали на стрелках(...)

Вот я должна подробно написать обо всем этом и еще о другом, о многом. Иначе как же, как же узнает он о печали моей, о тоске моей — невыразимой?»

О пережитых тогда ею чувствах Карамзина вспоминала также в письме к Бунину 2 июля 1938 г. (см. примеч. к п. 6).

¹ Бунин выступал в Тарту с публичным чтением своих произведений вечером 9 мая, в театре «Васемуйне» (см. воспоминания В. В. Шмидт — настояц. том, кн. 2).

² Галина Николаевна Кузнецова (см. о ней настояц. том, кн. 2).

4

«Париж, около 31 мая 1938 г.»

Когда я писал «Митину любовь», я делал некоторые заметки — в два, в три слова чаще всего. Теперь я написал по ним эти «Варианты». По-французски я назвал «Митину любовь» гораздо лучше: «Le sacrement de l'amour»^{1*}.

Написано на полях газетной вырезки с текстом «Вариантов», гл. I («Последние новости», 1938, № 6203, 20 марта). На оборотной стороне помета Карамзиной: «И. А. Бунин. „Варианты“. Прислано И. А. 3/VI 1938 г.». Аналогичные пометы сделаны ею на двух других вырезках: 1) «Варианты», гл. II («Последние новости», 1938, № 6217, 3 апреля; обе главы получили позднее заглавие «Апрель» — см. Собр. соч. 1965—1967, т. 7, стр. 299—309 и 394); 2) «Баллада» («Последние новости», 1938, № 6175, 20 февраля. — См. там же, т. 7, стр. 17—23 и 383).

Датируется приблизительно на основании даты получения вырезок Карамзиной — 3 июня 1938 г.

4 июня 1938 г. Карамзина отвечала Бунину:

«... Спасибо вам! — Горячее спасибо за чудесную „Балладу“ и за „Варианты“(...) „Le sacrement de l'amour“ очень красиво звучит по-французски. По-русски это было бы „Таинство любви“. Но, мне кажется, по-русски нельзя было так назвать. В „Митиной любви“ страшен и неотразим Рок — сила и тема греческой трагедии. В „Вариантах“ эта сила ощущается особенно жутко: там Рок „обстоит“, это „obsession“, одержимость. Митя — жертва, тут не „sacrement“, а „sacrifice à l'amour“**. Мистерия — да, но не таинство. Таинство таит в себе, в конечном смысле, искупление, чудо благодатное. В смерти Мити — лишь его обреченность страшной безблагодатной любви.

Я так мучительно воспринимаю „Митину любовь“, — какая она жестокая! Один этот ястребок в „Варианте“ первом чего стоит. Когда я внутренне борюсь с ней, когда я протестую против вашей беспощадности, я всегда думаю: все, все было бы иначе, если бы Митина ужасная, деревенная, беззащитная мать, эта „мама, которая спит после обеда“, была бы нежной, женственной, беззащитной. Один штрих, один зов любви благодатной и, быть может, она победила бы ту — страшную — власть. Не сердитесь на меня за эти слова. Вы ведь теперь меня знаете.

* «Таинство любви»

** жертва во имя любви (франц.).

Читаю дневники С. А. Толстой *. Там очень много верного, женского, но во всем, в атмосфере ее, чувствуется какая-то... грубость, что ли? Она не могла не мучиться любовью к Льву Николаевичу, всякая любящая женщина ее поймет, а только полета в ней нет, она так туго ползает все по одним и тем же дорожкам — и в 18 и в 25 лет... Отчего это?

Я так жду „Освобождение Толстого“! ** Пожалуйста! А в газетах все пишут о междонародных обострениях — пронеси господи! Уезжайте скорее на Ривьеру<...>

У нас цветущая душистая весна. Недавно наш пес удрал ночью, и я в четыре часа утра оделась и пошла его искать. Было так зелено, так чисто все, и птицы громко, на разные голоса пели... Вокруг, в лесах, всё кукушки кукуют. Завтра по-здешнему Троица, сейчас пойдем за цветами.

На днях пошлю вам написанную за это время вещь. Очень прошу внимания вашего, *строгости!*..)

¹ Французский перевод «Митиной любви» был издан в Париже в 1925 г. Такую же мысль о том, что французское заглавие повести лучше, чем русское, высказал Р. М. Рильке в письме к Л. П. Струве 25 февраля 1926 г. (журн. «Русская мысль». Париж, 1927, кн. 1, стр. 54—55 — без указания адресата; см. также Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 523—525).

5

<Ницца, 5 июля 1938 г.>

Дорогая Мария Владимировна, что с вами, здоровы ли? Уехал из Парижа 3-го, ничего не получив от вас. Тут у меня еще нет адреса — тщетно ищу пристанища — пишете по прежнему, в Париж, Вера Николаевна перешлет. Сейчас вечер 5 июля, я сижу в грязном и чудесном ресторанчике для простолюдинов старой Ниццы — и для снобов из парижской артистической богемы. «Одинокий подобен носорогу» — я одинок и несчастен, как 100 носорогов.

Целую вашу руку.

И.Б.

Запах чеснока и жареной на оливковом масле рыбы. В кухне работают два негра. Все просто и чудесно-свободно. Все время гремит радио — испанские песни с кастаньетами. Это очень к месту — очень много тут Испании, Италии — и того особенного, что есть старая Ницца. Я ел равиоли (итальянские пельмени) и жареного спрута. Множество почти голых, черных от загара, от купанья молодых женщин.

Хозяин. Очень типичный ниццар, плут и делец.

Это старая Ницца, «Marché aux fleurs» ***, из кухни выход на море.

Адрес: Madame Karamzine. Kivioli, Eesti, Esthonie. Почт. шт.: Nice, 6.VII.1938.

Карточка ресторана Joseph в Ницце. Предпоследняя строка приписки относится к портрету хозяина ресторана, воспроизведенному на карточке.

На эту открытку Карамзина откликнулась 16 июля 1938 г. (см. примеч. к п. 6).

6

1, rue Jacques Offenbach, Paris, 16
<20 июля 1938 г.>

Дорогая Мария Владимировна, я больше недели, не зная почти ни часа отдыха, скакал по Ривьере, от Ментоны до Марселя, ища нам пристанища на лето, — и ничего не нашел: всюду тьма иностранцев, пользующихся падением франка и уже все, даже мало-мальски сносное, занявших. После двенадцатидневного отсутствия, смертельно усталый и огорченный,

* «Дневники С. А. Толстой» были впервые опубликованы в 1928—1936 гг.: т. I (1860—1891) — М., изд. М. и С. Саблинниковых, 1928; т. II (1891—1897) — там же, 1929; т. III (1897—1909) — М., «Север», 1932; т. IV (1910) — М., «Сов. писатель», 1936.

** Иван Б у н и н. Освобождение Толстого. Париж, 1937.

*** Цветочный рынок (франц.).

я возвратился в Париж, искал дачи или хоть квартиры в его окрестностях, хотя я ненавижу их и не считаю за лето здешнее ничтожное, серенькое лето, — и опять напрасно! Теперь махнул рукой на поиски и решил ждать конца сентября, когда на Ривьере станет свободнее, — съезжу только недели на две, на три (один, без Веры Николаевны, которая никуда пока не хочет ехать) под Biarritz: там, говорят, сейчас пусто, многие боятся испанской границы ¹.

Перед отъездом из Cannes получил ваше письмо от 2 июля — переслала Вера Николаевна, — а вчера от 16-го, с видом вашего дома. Из этих писем вижу, что вы моего, теперь уже совсем давнего, по поводу ваших стихов, «Авроры» и вашей карточки, не получили ²: думаю, что я писал на память это странное слово «Kiviöli» и как-нибудь переврал его: все не могу его усвоить, все лезет в голову «Vikioli»! Я писал вам, что я все получил, — и карточку, за которую я вас очень благодарил и которая так выдает ваше восточное происхождение, и стихи, из которых мне почти все — за исключением Омара Хаяма ³ — очень понравилось, и рассказ, в котором я опять с радостью увидел ваш поэтический и изобразительный талант и который *в общем* не удовлетворил меня — тем, что написан на тему без непосредственной убедительности и, правда, слишком «семейственно». Я писал вам и о том, что, будь у меня журнал, я бы все-таки с большим удовольствием напечатал его, — он все-таки очень умело, очень четко написан, в некоторых же местах — море, пароход, эта северная ночь в Г., «легкие бисерные фонтаны» — чудесно, и горевал о том, что нигде ничего вашего я не могу устроить: очень уж вы не во вкусе Милюкова, который редактирует и «Последние новости» и «Русские записки»! Теперь прибавлю: от всей души прошу вас продолжать писать и прозу и стихи (которые вам пора выпустить отдельной книжкой — пожалуйста, подумайте об этом!).

Ваше вчерашнее письмо (от 16-го) так хорошо, что я прочел его вслух за чаем Вере Николаевне и моим домочадцам (Г. Н. Кузнецова и еще две молодые женщины) — и все стали вспоминать и землянику, и сено, и лес, и всю эту летнюю русскую прелесть.

Что общего у меня с Толстым? Он очень, очень близок мне не только как художник и великий поэт, но и как религиозная душа. Перечитайте кое-что, что я выписал из его дневников, — например, как он шел на закате из Овсянникова, — «лес, рожь, радостно», — как ехал вечерней зарей через лес Тургенева: «и соловьи, и жуки, и кукушка...» ⁴ Более прекрасных, несравненных слов о бессмертии ни у кого нет во всей мировой литературе.

На письмо ваше от 2 июля мне очень трудно ответить. «Не нужно жалеть», что мы с вами так мало виделись в Юрьеве ⁵, что я там как-то «прятался за тон легкой беседы»? Я все-таки жалею и думаю, что, если я и «прятался», то как раз потому, что мы так мало и плохо (все мельком или на людях) виделись. И сейчас — дорого бы я дал, чтобы *поговорить* с вами об этом письме, произведшем на меня редкое по силе впечатление! Письменно ответить на него не могу. Только горячо благодарю вас за него, мысленно целую вашу руку. Да хранит вас бог.

Ваш Ив. Б.

Р. С. Это очень, очень хорошо:

Светил и туч полночный бег,
Струй низвергающихся топот...
Душа — кочующий ковчег
В волнах любовного потопа... ⁶

М. В. КАРАМЗИНА
 Фотография, 1930-е годы
 Парижский архив Бунина

А вот вам японские стихи — не дивитесь на такой дикий скачок в моей голове:

Le feu sous la cendre.
 La maison sous la neige.
 Minuit*.

Всего несколько слов! А какое волшебство! Это мне написала одна японка, у которой я недавно завтракал. В подлиннике это, вероятно, совершенно необыкновенно.

На конверте: Recommandée. Madame M. Karamzine. Kiviõli, 43—2. Eesti (Estonie).
 Exp.: Bounine. 1, rue J. Offenbach, Paris, 16. Почт. шт.: Paris, 20.7.1938; Kiviõli, 23.VII.38.

Ответ на письма Карамзиной 2 и 16 июля 1938 г. Датируется по почтовому штемпелю.

2 июля Карамзина писала: «Дорогой Иван Алексеевич! Я вчера получила „Освобождение Толстого“, и так как я нездорова последнее время и должна побольше лежать, то лежа с утра, в один день проглотила книгу, схватила ее, знаете, жадно, большими кусками. Я много и долго буду ее читать, думать, жить вместе с нею. Я писала вам, что у меня „Дневники“ Софьи Андреевны, — еще были воспоминания Кузминской, Микулич**, а, главное, были кавказские дневники самого Толстого из „Голоса минувшего“***. Вообще многое в нем близко очень и нужно жизни моей, душе моей — серьезность, правдивость, неподкупность совести. Я пишу вам сегодня наспех, выкидываю все сразу и знаю, что мне не сказать всего так, как нужно. Но вокруг меня столько летней суеты, приездов, отъездов, людей, требующих житейского внимания, что я долго не могла бы сосредоточиться, если бы решила писать связно и подробно. Я думаю, что вы поймете и так, я думаю, что мне можно писать вам совсем серьезно и по существу — не сокровенно, в лучшем, в строгом смысле этого слова. В свете этой серьезности и строгости я вижу, что не нужно жалеть о мог-

* Огонь под пеплом. / Дом под снегом. / Полночь (франц.).

** Воспоминания Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», т. I—III, были опубликованы в Москве в 1925—1926 гг. Воспоминания В. Микулич (Л. И. Веселитской) «Тени прошлого» появились в «Историческом вестнике», 1913, кн. 2 и 3.

*** Эти дневники Толстого печатались в журн. «Голос минувшего за рубежом», 1926, № 2,3.

ших быть и упущенных минутах или часах нашего с вами общения в Юрьеве. Я говорю, что лучше, полнее и доверчивее воспринимаю вас, общаясь с вами через ваши книги, через письма, — чем тогда, непосредственно слушая вас. Мне в Юрьеве многое мешало, многое смущало меня. Казалось, что вы среди всех этих чужих людей — не настоящий, что вы бросаете подачки какие-то разным Булгариним*, а со мной разговариваете, то и дело *прчась* за тон легкой беседы с недурно выглядящей женщиной за тридцать лет, у которой непременно должна случиться вскоре какая-нибудь сердечная катастрофа.

А вот здесь, дома, читая стихи ваши, вникая в повествование ваше о Толстом, я слышу истинный, ваш, как на духу голос, на который требовательное сердце мое, ревнивое сердце, хочет отзываться со стремительным доверием, и как будто ничто не мешает ему. Это оттого, что я *тоже* знаю скорбь вашу, как отчасти и муку Толстого, то есть остроту этого чувства жизни и „чувства обреченности“, как пишете вы, „тленности“, быстротечности, невозвратности земных мгновений, не только „плоти мира“, но и чувств земных, и отсюда тоска моя, о которой пишу в „Этюде“, которую так пронзительно ощутила я, прощаясь с вами в Тапсе».

16 июля 1938 г. Карамзина возвращается к книге Бунина о Толстом: «Хотела писать вам по поводу „Освобождения“¹ разные свои мысли. Но сегодня такая погода, такая игра солнечных пятен на песке и так я полна милым, летним, радостным, что не хочется опять „взрывать недра“. Знаете, мы вчера вечером гуляли по лесным скошенным полянкам, по вырубкам, и у каждого пня — кисти земляники. Вечернее солнце — и они, как красные огоньки. Пахло земляничкой, сеном, лесом. Мой пятилетний черноглазый Миша то и дело подбегал и угощал ягодками, говорил: „закрой глаза и открой рот“ и вспаал мне в рот теплые мятые ягоды. Джек вспугнул ежа, яростно лаял и хватал его. Все кричали на Джека, отнимали ежа, я закинула его в кусты. А днем было что-то совсем из древности. У нас гостит тетя Адя, которую вы видели в Юрьеве, она совсем не родная, но дети ее так зовут и я тоже. Мы сидели с ней в саду, она вышивала, а я читала вслух Maugois „Tourguéniev“². Это мое чтение по-французски в душистом летнем саду так напомнило что-то доисторическое: сад в нашем Марьино, mademoiselle, прилежная девочка с косичками и madame de Ségur, née Rostopchin...³ — в этой книжке Maugois, в описании России, в описании „Varvara Péetrovna“⁴ есть что-то от „Général Dougakine“⁵. А вот я только что кончила того же Maugois «Байрона» и восхищаюсь: изящно, умно, тонко — и жутковато⁶».

Нет, есть какое-то другое, не оленинское отношение к миру, к его красоте, звучности, к избытку в нем кишашей жизни. И страшно готовиться умереть для того, чтобы после смерти раствориться, чтобы влиться каплей в океан безличного „я“, соединяясь с толстовским буддийским богом(...)

Нет, не буду больше писать про это. Читаю „Освобождение“ и долго еще буду читать. Думаю о Толстом, о вас. Что общего между вами? Сила подчинения? Ничего не знаю. Но о Байроне можно писать „со стороны“, о Толстом даже читать „со стороны“ трудно(...)

Напишите мне скорее. Вот я и прошу об этом, хотя вы мне сказали, что вы пишете редко и „плохим почерком“. Хотела бы я посмотреть на старого Толстого в обстановке ресторана Joseph'a. Помните Левина и устриц⁷ — а тут жареный спрут!.. И вкусно?..»

¹ В это время в Испании шла гражданская война между республиканцами и фашистами, поднявшими мятеж, на поддержку которого гитлеровская Германия бросила свои военные силы.

² Это письмо Бунина остается неизвестным. Рассказ «Аврора», фотография семьи Карамзиных с видом их дома сохранились в Парижском архиве Бунина; портрет М. В. Карамзиной см. настоящ. кн., стр. 671.

³ Стихотворение, не понравившееся Бунину, в «Ковчег» не вошло.

⁴ Бунин указывает на цитаты из дневника Толстого, приведенные им в книге «Освобождение Толстого», гл. XI (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 98—106).

⁵ В Тарту.

⁶ Из стихотворения Карамзиной «Ковчег» (полный текст его приведен выше, на стр. 663).

* См. примеч. 1 к п. 17.

** Книга Андре Моруа «Тургенев», написанная в жанре художественной биографии, вышла в свет в 1931 г.

*** Софья де Сегюр, гр. (1799—1874) — писательница, дочь известного по 1812 году военного губернатора Москвы Ф. В. Ростопчина. Была автором многих наивно-сентиментальных повестей, которые входили обычно в круг чтения молодых девушек.

**** «Le général Dougakine» (Париж, 1863) — юмористическая повесть С. де Сегюр, в которой рассказывается о путешествии по России генерала Дуракина с семейством и описываются патриархальные помещичьи нравы.

***** Романизированная биография Байрона была издана Андре Моруа в 1930 г.

***** См. «Анна Каренина», часть первая, гл. X.

3.IX.38
Villa «La Dominante». Av. de Villaine,
Beausoleil, A. M.

Дорогая Мария Владимировна, вот мы где, — это *над* Монте-Карло, *французская* часть Монте-Карло, — сняли квартиру (с садиком), помесечно, пробудем здесь во всяком случае до 15 октября. Простите, что так долго не отвечал, все ездил — Biarritz, потом Deauville, — а приехал сюда, все спал — от купанья, от морского воздуха. Как вы теперь? Не шутите с почками. Были ли в Юрьеве? И если да, что сказал вам доктор? Жду вашего письма.

Запах «табака» один из самых любимых моих, очень меня волнующий. А у нас запах жасмина — не нашего — тут он мелкий, цветет и теперь. Мы высоко на горе, под нами черепичные крыши города, покато идущие вниз, кипарисы, цветущие олеандры — и синее, синее море, с трех сторон встающее к горизонту.

Почему вы *мне* приписываете то, что я говорю о Толстом? «От *твоей* радости ни Толстому, ни другому кому не нужно освобождаться», говорите вы. Но он не от этой радости (которую, как и все свое духовное, считал проявлением бога в нем) жаждал освобождения, а от своей *плотской* формы.

Вы правы — вам нужно «выговориться в этом тоне». И потом — найти «другой». Этот слишком для искусства интимен. «Лучи и тени» очень хорошо написаны, но именно не в меру интимны (что отчасти происходит и от того, что вы взяли опять форму обращения к лицу, о котором пишете)!. Пожалуйста, все-таки пишите, дорогая моя, — и пишите не случайно, а планомерно, *чувствуя будущего читателя*. Очень хочется верить, что непременно найдете этот «другой тон» — не должно пропадать все то редкое, что вам дано.

Нередко очень, очень хочется видеть вас.

Целую вашу руку с разными и сильными чувствами.

Ив. Б у н и н

На конверте: Madame M. Karamzina. Kiviõli, 43—2, Eesti. Estonie. Exp.: J. Bouvine. Villa «La Dominante». Av. de Villaine, Beausoleil, Alpes Mar(itimes). Почт. шт.: Monte-Carlo. 3.IX.38.

Ответ на письмо Карамзиной 6 августа 1938 г., в котором она писала: «... Толстого вашего читаю. Выписки из его дневников о природе отметила. Но от *такой* радости ни ему, ни другому кому не нужно освобождаться. *Это* не мара *...»

Карамзина ответила Бунину на это письмо 17 сентября 1938 г.:

«... Политическое положение грозное. Думаю о вас и в связи с событиями, которые каждую минуту могут разразиться **. Не понимаю, т. е. не представляю себе, чего именно надо ждать и желать, и только страшусь за всех, кто так или иначе дорог и кто далеко. Боюсь отрезанности, неведения. Пожалуйста, пишите пока можно <...> В Юрьеве мы останавливались у докторши Бежаницкой ***, — помните, где мы с вами обедали в последний день перед отъездом, откуда пошли на вокзал <...>

Мне жаль, что вы не побывали в Печорах. Я была там теперь в первый раз, монастырей в России видела довольно много, но впечатление от Печор большое...**** А перед Юрьевым были мы у наших друзей Рентельн в имении. Это то самое имение, где обстановка кабинета вся из вещей, принадлежавших Жуковскому <...>***** Там я жила девять

* Призрак, наваждение (обл.).

** Признаками приближения новой мировой войны явились захват гитлеровской Германией Австрии (март 1938 г.), угроза, нависшая над Чехословакией, подготовка Мюнхенского соглашения (конец сентября 1938 г.).

*** Клавдия Николаевна *Бежаницкая* — детский врач, знакомая Карамзинных по Тарту (см. в воспоминаниях В. В. Шмидт — *настоящ.* том, кн. 2).

**** «Печоры» — Покровско-Печорский монастырь в 50 км от Пскова, близ г. Изборска. До 1940 г. находился на территории Эстонии.

***** По сообщению К. Н. Бежаницкой, имение баронов Рентельн Ргäма (б. Бремерфельд) находилось близ г. Наиде, Эстонской ССР.

лет тому назад целое лето, пока шел развод — и до свадьбы с Василием Александровичем. Много тогда я сживала на диване Жуковского. Девять лет — немалый срок. И хозяева и мы постарели, дети выросли — и знаете, что было ужасно грустно видеть? — Собак. Их там штук шесть охотничьих легавых — и одна сибирская лайка, якутка. Все эти собаки были молодыми девять лет тому назад, а теперь они с отдышкой, облезлые, хрипучие».

¹ Текст этого рассказа остается неизвестным.

8

Villa «La Dominante». Av. de Villaine
Beausoleil, A. M,
<6 октября 1938 г.>

Дорогая Мария Владимировна, опять простите бога ради за молчание — ужасные дни были! И сейчас только два слова, — еду искать новую квартиру — хозяин здешний требует: или съезжайте, или оставайтесь до 15 мая. А последнего я не могу. Вы спрашивали: получил ли я ваше то письмо со стихами, где были лепестки цветов?¹ Да, получил, да тогда тоже все ездил, не поблагодарил вовремя — прошу простить, благодарю сердечно. Теперь спрашиваете о книге стихов: конечно, издавайте, конечно, пришлите мне тетрадь (хотя выбирать должен непременно сам автор). Целую руку.

Ваш Ив. Б у н и н

6. X. 38

На конверте: Madame M. Karamzina, Raudtee tän 43—2. Kiviõli. Eesti, Estonie. Почт. шт.: Monte-Carlo, 6. X. 38.

¹ Упомянутого Буниным письма со стихами в нашем распоряжении нет.

9

<Beausoleil, 10 октября 1938 г.>

Дорогая Мария Владимировна, простите, забыл прошлый раз поблагодарить вас за стихи — рад, что пишете их — теперь несколько косноязычно, но по-прежнему хорошо. Кланяюсь вам — и позвольте прибавить — вашему мужу.

И. Б.

Адрес: Madame M. Karamzina. Kiviõli, Eesti (Estonie). Почт. шт.: Monte-Carlo, 10. X. 38.

Открытка с фотографией и подписью: Provence. Collection Rella «La Côte d'Azur». Дата отправления определена по почтовому штемпелю; место отправления — по п. 8.

10

<Beausoleil, 22 октября 1938 г.>

Дорогая Мария Владимировна, я остаюсь в Beausoleil — вернее всего на всю зиму. Жду стихов. Целую вашу руку.

Ив. Б.

22. X. 38

Адрес: Madame M. Karamzina. Kiviõli, Eesti, Estonie. Почт. шт.: Monte-Carlo, 22. X. 8.

Открытка той же фотографией, что на п. 9. Место отправления определено по п. 8.

11

〈Beausoleil, 9 ноября 1938 г.〉

Дорогая Мария Владимировна, был несколько дней в отъезде, поэтому только вчера получил вашу рукопись¹. Завтра, надеюсь, вышлю ее вам обратно.

Ваш Ив. Б.

9.XI.38

Адрес: Madame M. Karamzina. Raudtee t. 43—2. Kiviõli, Eesti. Esthonie. Почт. шт.: Monte-Carlo, 9.XI.38.

Открытка с правилами игры в рулетку в Монако. Место отправления определено по п. 8.

¹ Рукопись со стихами, составившими сб. «Ковчег» (см. п. 12).

12

〈Beausoleil〉 10.XI.38

Дорогая Мария Владимировна, возвращаю стихи. Тронут, что среди них есть одно с моими инициалами¹. 1) Как озаглавить сборник? «Стихи» — уж очень сухо. По-моему, «Ковчег» можно. 2) Переводы, конечно, не нужно включать. 3) «Из старой тетради» не лучше ли поставить в конец? Пересмотрите этот отдел — может быть, кое-что отмеченное мною выкинете из него? — Вот и все мои замечания (мелкие я сделал кое-где на рукописи карандашом)². Вы предлагали мне посоветовать вам, что *вообще* выкинуть из сборника: не решаюсь советовать — это должен делать сам поэт. Ведь бывает, что ему кое-что дорого по чему-нибудь личному. Кроме того, у меня есть просто порок — все сокращать, «просеивать»...

Дорогой друг, от всей души желаю, чтобы вам эта книга дала радость, выйдя в свет. Сердечно обнимаю вас.

Ваш Ив. Б у н и н

P. S. Возвращаю «Лучи и тени», может быть, вам это понадобится.

На конверте: Madame M. Karamzina. Kiviõli. Eesti. (Esthonie) 〈Конверт без марки и почтового штемпеля; он был, очевидно, послан в пакете со стихами〉.

Ответ на письмо, которое нам неизвестно.

17 ноября 1938 г. Карамзина ответила Бунину: «Тетрадь с вашими пометками буду хранить, а стихи перепису наново, кое-что выкину, кое-что постараюсь исправить, сообразуясь с вашими замечаниями. Как только кончу, сдам в типографию, они берутся что-то очень быстро напечатать. Всего будет 250 экземпляров.

Вы пишете, что желаете, чтобы книга, выйдя в свет, принесла мне радость. Спасибо за эти слова, за наименование „дорогой друг“. Мне грустно оттого, что я вряд ли когда-нибудь сумею выразить то большое, нежное и благодарное чувство к вам, которое все растет во мне».

28 декабря 1938 г. Карамзина, посылая Бунину экземпляр своей книги, писала: «Дорогой Иван Алексеевич! Посылаю вам „Ковчег“, только еще появившийся на свет. Получила пробные десять экземпляров, а в продажу и более широкое распространение он поступит после Нового года, ибо дата на нем 1939. Маленький он и скромный, и какой-то кустарный — не правда ли?..»

¹ Стихотворение «И. А. Б.» («Ковчег», стр. 56).

² Эта тетрадь с пометами Бунина не сохранилась.

13

〈Париж, 2 января 1939 г.〉

Дорогая моя, с праздниками, с Новым годом, дай бог всего доброго вам и всему вашему дому. Я приехал недели на две в Париж. Нынче с радостью получил вашу книгу. *Все очень выигрывает в печати.* Целую вашу руку.

2.I.39

И. Б.

Адрес: Madame M. Karamzina. Kiviõli, 43—2. Eesti. Estonie. Почт. шт.: Paris, 2.I.1939.

Открытка с репродукцией картины Н. А. Кошелева «Офеня-коробейник». Издано в Москве, 1933. Место отправления определено по тексту и почтовому штемпелю.

14

1, rue Jacques Offenbach. Paris, 16
(10 января 1939 г.)

Дорогая Мария Владимировна, очень огорчен вашей болезнью, дай бог, чтобы она поскорее и хорошо кончилась. Насчет «Ковчега» запаситесь мужеством — добрых отзывов не жду, тут всякого нового человека встречают подозрительно, чаще всего с кислыми минами — тут *все* всем надоело. Простите, что так жестоко пишу: пишу затем, чтобы вы не думали в случае неблагоприятных отзывов, что дело в качестве ваших стихов — дело в качествах критиков. Адамовичу¹ я, для ускорения его отзыва, послал на юг (он сейчас в Ницце) свой экземпляр (он мне его возвратит на днях). Ходасевичу² пошлите с надписью: «Глубокоуважаемому Владиславу Фелициановичу Ходасевичу» — Monsieur V. Hodassevitch, 46, Avenue Victor Hugo, Boulogne sur Seine. Михаил Осипович Цетлин³ очень хороший человек, но в отзывах о новых писателях *очень* робкий. Пошлите ему книгу на адрес «Современных записок»: Monsieur M. Zetlin, «Annales contemporaines», 6, rue Daniel, Paris 13^e.

Пошлите еще в «Русские записки» — просто на редакцию (я поговорю с ней, чтобы дали книгу подходящему человеку): «Annales Russes», 51, rue de Turbigo, Paris 3^e. А вместе с тем пошлите и Бицилли Петру Михайловичу⁴: Monsieur le professeur P. Bizilli, Varbica, 2, Sofia IV, Bulgarie. Кому еще? Не вижу никого.

Я пробуду здесь еще дней десять. Потом опять в Beausoleil.

Целую вашу руку от всей души. Кланяюсь вашему мужу.

10.I.39

Ваш Ив. Б у н и н

Р. S. Послал вам три последних рассказа⁵. Сижу здесь ради корректуры «Молодости Арсеньева» (продолжение «Жизни»)⁶, которую выпускаю отдельной книжкой. Я вам, кажется, уже писал об этом.

На конверте: Madame M. Karamzina. Kiviõli, 43—2, Eesti (Estonie). Почт. шт.: Paris, 10.I.39.

Ответ на письмо, которое нам неизвестно.

¹ О рецензии Г. В. Адамовича на «Ковчег» см. примеч. 4 к п. 16.

² Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт и литературный критик. О его статье по поводу «Ковчега» см. п. 16 и примеч. к нему.

³ М. О. Цетлин (1882—1945) — поэт, один из издателей «Современных записок», критик.

⁴ П. М. Бицилли (1879—1953) — профессор Софийского университета. См. переписку Бунина и Бицилли: А. Ме щ е р с к и й. «Неизвестные письма И. Бунина» («Русская литература», 1961, № 4, стр. 152—158).

⁵ Газетные вырезки с рассказами: 1) «Степа» («Последние новости», 1938, № 6419, 23 октября. — См. Собр. соч. 1965—1967, т. 7, стр. 24—29); 2) «Муза» (та же газета, 1938, № 6426, 30 октября — см. т. 7, стр. 30—36); 3) «Поздний час» (та же газета, 1938, № 6467, 11 декабря — см. т. 7, стр. 37—43). На обороте каждой из вырезок пометы Карамзиной: «Прислано И. А-чем в январе 1939 г.»

⁶ «Жизнь Арсеньева. Роман. П. Лика», Брюссель, 1939.

15

(Париж, 9 февраля 1939 г.)

Дорогая Мария Владимировна, давно нет от вас вестей. Беспokoюсь. Как здоровье? Целую вашу руку.

Ив. Б у н и н

TARTU - Emajõe kallas
DORPAT - Embachufer

ТАРТУ. НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ЭМАЙЫГИ

Открытка, 1930-е годы

Во время Великой Отечественной войны здания на набережной были разрушены

Собрание В. В. Шмидт, Тарту

Адрес: Madame M. Karamzina. Kiviõli. Eesti. Estonie. Почт. шт.: Paris, 9.2.39. Открытка с фотографией и подписью: Col de la Cayolle.— Vue sur la Vallée du Var et la Route d'Entraunes.

Дата и место отправления определены по почтовому штемпелю.

16

21.II.39. 25, av. de Villaine. Beausoleil, A. M.

Дорогая Мария Владимировна, очень, очень рад, что вы выздоравливаете,— дай бог не сглазить,— и очень, очень благодарю вас за ваши письма. Я приехал сюда уже несколько дней тому назад, но не мог сразу ответить на них,— очень утомил меня Париж и всей той жизнью, которой как-то невольно живешь всегда в нем, и своим климатом: я *целых три раза* хворал там гриппом! Мучился и корректурой книги (которая выйдет, вероятно, к 1 марта)¹ — как всегда это бывает, выпуская книгу в свет, вдруг начинаешь чувствовать, что все это опять не то, не то. Кстати,— простите это слово,— какая вы умница,— как хорошо то, что вы оценили эти слова: «И взгляд его стал *тверд* и *весел*»!

Жду вашего рассказа,— когда вы его написали и о чем?— с большим удовольствием нашел в ваших новых стихах * какой-то новый звук, чистоту и точность выражений,— выздоравливайте поскорей совсем и побольше и понапряженной пишите. (Понравилось, между прочим, что вы

* Отчего бы вам не послать эти стихи в «Русские записки»? «Annales Russes», 51, rue de Turbigo, Paris, 3^e, на имя редактора (Павла Николаевича Милокова).

вместо «узурный край шатра» написали «косматый»²⁾. А Пильский³⁾ меня восхитил — талантливый и смелый человек — не то, что Адамович⁴⁾ всегда действительно «сдержанный и не очень ясный», или Ходасевич, всегда таящий в себе некую кислую мину («все знаю, все надоело!»). Заметку о вас он написал (в фельетоне о разных сборниках стихов) — она (для того, кто знает эту его мину) неплоха; я думал, что вы читаете «Возрождение», и потому не послал вам ее — жаль! Напишите ему два словечка — он, я думаю, вышлет вам ее, — будет польщен, что вы так дорожите его отзывом. Адамовича зовут Георгий Викторович, домашнего его адреса я сейчас не знаю — пошлите ему книгу на «Последние новости». А что до вашей надписи мне на «Ковчеге», то я был бы просто обижен, если бы вы подписали «Глубокоуважаемому»⁵⁾. Да хранит вас бог, целую вашу руку.

Ваш Ив. Б.

Совершенно прекрасно описали вы Веру Шмидт.

На конверте: Madame M. Karamzina. Raudtee 43—2. Kivibli. Eesti (Estonie). Eхр.: J. Bounine. 25, av. de Villaine. Beausoleil. A. M. Почт. шт.: Beausoleil. 21.2.39.

Ответ на письма Карамзиной 27 января (см. ниже, примеч. 5) и 13 февраля 1939. В последнем она писала:

«Я писала вам из Юрьева, из клиники, где я провела три недели... Я оттуда рассылала „Ковчег“ и письма, туда В. А. <Карамзин. — А. Б.> переслал ваше письмо и рецензию Адамовича, которая меня очень обрадовала и ободрила. Приходила милая Верочка Шмидт, читала мне свои стихи, обрывки стихов, — я обо всем этом писала вам в моем недодешедшем письме<...> Ходасевичу я, в числе других указанных вами лиц, послала „Ковчег“ еще из Юрьева и написала ему письмо. Дело в том, что лет десять тому назад, еще до моего теперешнего замужества, а когда я была Гримм, я послала ему мои стихи, и он очень любезно отвечал мне и разбирал их. Потом произошла эта перемена в моей жизни, очень трудный кризис, во время которого я совсем не писала. Переписка наша прекратилась. Потом... было написано стихотворение „Ковчег“ и несколько других. Я ему их послала. Он отозвался очень сердечно, но стихи раскритиковал, а на следующую посылку вообще не ответил. У меня было чувство, что он разочаровался и не верит больше в то, что я могу писать. Это было для меня большим огорчением, и на некоторое время я и вовсе прекратила писать стихи».

Отвечая на это письмо Бунина, Карамзина писала 1 марта 1939 г.:

«Дорогой Иван Алексеевич! Спасибо за ласковое, доброе, хорошее письмо. Ваше поощрение для меня радость, но вы меня много хвалите и этим избалуете, я уже и так, кажется, возгордилась. Рецензию Ходасевича мне прислал Пильский. Это немножко отписка, но все-таки доброжелательная, а что до ученических стихов, так ведь он прав, их в „Ковчеге“ немало. Вот стихи в „Казачьем альманахе“ он в той же статье расхвалил без всякой кислой мины, особенно какую-то Марию Волкову, о ней прямо восторженно отозвался. Я бы хотела прочесть ее стихотворение, чтобы знать, что именно Ходасевичу нравится. Одно стихотворение, про которое он выразился, что оно — самое значительное из всего, написанного в эмигрантской поэзии, я знаю: это „Роландов Рог“ Марины Цветаевой — помните его? П. М. Бицилли написал мне открытку, в которой поблагодарил за присылку „Ковчеха“. О том, понравился он ему или нет, — ни слова...»

¹⁾ См. примеч. 6 к п. 14.

²⁾ Из стихотворения Карамзиной (без заглавия):

Косматый край шатра я отогнула.
Где кони ржут, откуда голоса?..

³⁾ Петр Моисеевич *Пильский* (1876—1942) — литературный критик. Он писал в рецензии «Ковчег. Книга стихотворений М. В. Карамзиной»: «Очень приятен тон этой книги, — благородный тон скромной и умной печали, серьезных и тихих дум, искренних, ненавязчивых признаний. В этих стихах ощущается очень чистое дыхание, ни в словах, ни в настроениях нет затуманенности: все прояснено и даже просветлено. У М. В. Карамзиной ясное видение (ударение на первом слоге). Пленяющий мотив книги поет о верности и покорности. Это — исповедь скромной, в то же время смелой души, умеющей смотреть прямо в глаза и огорчительной правде, и жизни, и будущему („Мольба моя о грядущем, О прошлом — моя тоска“) <...> В этих стихах предельно хорошими вкусом к слову, к эпитету, к смелым образам, к красивым и тонким вещам, немощным избранным людям, ко всему тому, что в жизни встречается не часто, но и не редко, — ничего не надо изобретать! И потому „Люблю дымок от папирсы, / У желтой лампы вечера, / Над старой книгой или картиной / Пробора узкого наклон —

/И дружбу умную с мужчиной,/ Который не в меня влюблен". У Карамзиной, вообще, хороши и удачны концы стихотворений <...> Можно не делать вывода, можно не пояснять, что Карамзина — настоящий поэт большого духовного и литературного благородства» (Газ. «Сегодня». Рига, 1939, январь-февраль).

⁴ В последние годы Бунин отзывался об Адамовиче без оттенка сомнения, звучащего здесь. В письме к Н. В. Кодрянской 20 июня 1951 г. он писал: «А лучший критик в эмиграции, в Париже, Адамович» (ГБЛ, ф. 503).

О книге Карамзиной Адамович писал: «„Ковчег“ М. В. Карамзиной — сборник стихов, прельщающий не только чистотой чувств и словесного их выражения, но и присутствием мысли. О размерах дарования автора судить еще трудно. Однако стиль его творчества и направление, им избранное, привлекают к нему внимание <...> У автора „Ковчег“ еще нет того, что обычно мы называем „своим голосом“. Правда, она избрала путь, на котором пробиться к отчетливому отражению своей, неповторимой индивидуальности в слове челегко; она отказалась от „индивидуальничанья“, от манерности, от капризничанья... Но все-таки поэт настоящий узнается только потому, что он старые слова по-новому произнес. В памяти на десятилетия и века остается не смысл слов, а тембр голоса. У Карамзиной его еще нельзя отличить от других, знакомых голосов. Пишу „еще“, с надеждой, что ждать придется не долго» («Последние новости», Париж, 1939, № 6499, 12 января).

⁵ 27 января 1939 г. Карамзина писала Бунину: «На экземпляре „Ковчег“, посланного вам, я написала просто „дорогому Ивану Алексеевичу“. Я не подумала, что вы можете ведь показать его другим, или, вот, даже дать на время — как было с Адамовичем. Надо было написать „глубокоуважаемому“. Но мне вообще было трудно сделать эту надпись, — слишком многое хотелось в нее вложить — из всех эпитетов слово „дорогой“ все-таки лучше выражало мои чувства. Простите за эту неловкость<...>

Меня тут посещали многие — помните? Булгарины, Курчинские *, разная молодежь. Молодежь-то и разослала книжки мои, а я делала надписи. Бывала милая Верочка Шмидт, такая на всех непохожая. Помните ее глаза, брови, польхание румянца и это странное выражение лица — очень страстное и очень чистое вместе? Она читала мне свои отрывочные стихи, обрывки стихов, и мы много с ней говорили...»

Дорогая Мария Владимировна, извините — прежде всего просьба — а то боюсь забуду: напишите мне на открытке два слова — как по батюшке зовут Валерию Булгарину? ¹ Прислала мне свои воспоминания о Толстом (упорно говорит: граф), просит прочесть, где-нибудь устроить — надо ответить. Затем, пожалуйста, простите меня за столь поздний ответ на ваше письмо еще от 1 марта ²: получив его, хворал немного, потом ударился искать пристанище на лето — в Монте-Карло летом жарко — ничего не нашел по своим скудным средствам и взял опять «Belvédère» в Grasse (куда мы переедем 1 мая), потом надо было срочно «сочинять», что я делаю всегда, уже не делая ничего другого, не читая ни писем, ни газет, не отвечая на письма ко мне... Так вот и шло — кланяюсь низко — простите!

Теперь отвечаю по пунктам.

Я вас «слишком много хвалю». Это не беда — вы не из тех, кому это может быть во вред.

«Роландов Рог» не помню — не выношу этой психопатки с оловянными глазами, способной, но бесстыдной, безвкусной и т. д. ³ (Перо — как ржавая иголка, как везде в кафе, на почтах, в полиции — простите эти каракули.)

Волкову ⁴ не читал. Ходасевич всегда такой — чего моя нога хочет — вот захочу и превознесу, захочу — в порошок сотру или по плечу похлопаю.

За отзывы о моих рассказах — большое спасибо, дорогая моя, я очень ценю ваше мнение. «Поздний час» ⁵ — сплошная выдумка (как, впрочем, и все эти рассказы).

* О Булгариних см. п. 17. Михаил Анатольевич Курчинский — профессор юридического факультета Тартуского университета.

Очень, очень рад, что поправляетесь — надеюсь, теперь уже совсем здоровы.

Жду «Счастье» <...> *

Сирин все-таки нестерпим — лихач возле ночного кабака, хотя и замечательный⁶.

За стихи опять позвольте «похвалить» — говорю вполне искренно. Меня задело только слово «озорною ночью», потом «урема», «Ты» с большой буквы (хотя трудно иначе)...

Всего доброго вам и всему вашему дому.

Ваш Ив. Б.

Р. С. Позавчера послал вам «Лику».

На конверте: Madame M. Karamzine. Kiviõli, Eesti, Estonie. Почт. шт.: Nice, 29 mars 1939. На бумаге с бланком: «Café-restaurant Monnot. Place Masséna, Nice».

Ответ на письмо Карамзиной 1 марта 1939 г.

¹ Валерия Владимировна *Булгарина* (рожд. Рокасовская) — жена Вячеслава Болеславовича Булгарина, который был потомком Фаддея Венедиктовича Булгарина (из письма К. Н. Бежаницкой, сентябрь 1968).

Бунин, будучи в Тарту в 1938 г., посетил Булгариных. Тогда Валерия Владимировна жила в Тарту. Иван Алексеевич не был особенно любезен за ужином у Булгариных, хотя они устроили для него целый банкет, он как-то был сдержанно-холоден, не то что на другой день у профессора Курчинского... (письмо В. В. Шмидт автору комментария, 25 апреля 1968 г.).

² Письмо Карамзиной 1 марта 1939 г. см. в примеч. к п. 16.

³ «Роландов Рог» (1921) — стихотворение Марины Цветаевой.

⁴ О ней Л. Ф. Зуров писал: «Волкова, Мария Вячеславовна. Родилась в Западной Сибири (у подножия Тянь-Шаня), детство, отрочество и юность прошли в Петрограде, в Сибири, а молодость и зрелые годы — вне родины. По происхождению казачка, почему до минувшей войны сотрудничала больше в казачьих изданиях Парижа и Дальнего Востока. После войны печаталась главным образом в парижской газете („Русская мысль“)» (письмо Л. Ф. Зурова 25 апреля 1969 г. — автору комментария).

⁵ Рассказ вошел в книгу «Темные аллеи».

⁶ *Сирин* (псевд. Владимира Владимировича Набокова, род. 1899 г.) — эмигрант, писатель, в повествовательной манере которого есть сходство с творчеством Пруста, Джойса и Кафки. Сюжеты его произведений часто основаны на необычайном сочетании фактов, фантастичны и символичны (см. о нем также настоящ. кн., стр. 49).

Христос воскрес, дорогая Мария Владимировна, троекратно целую вас и поздравляю вместе с Верой Николаевной весь ваш дом с праздником.

Чрезвычайно тронут вашим письмом. И как это удивительно, — верно, навеки простились мы с вами тогда на станции! Может быть, я уже писал вам это, да я часто думаю так.

Многое порадовало меня в вашем письме о Лике, — вы заметили многое из того, что мне хотелось, чтобы было замечено.

Образ ее неясен? А мне казалось, что он ясно вышел — в смысле общеженского молодого, в его переменчивости, порождаемой изменением ее чувств к «герою», кончившимся преданностью ему навеки. Я только это и хотел написать, — не резко реальный образ, — резко уменьшила бы его тайную прелесть и трогательность. Этому намерению (нет, не намерению, а чувству) способствовало и то, что ведь *вся* моя книга сплошь выдумана (на основании только *некоторой сути* пережитого мною в молодости — и в моей первой сильной любви — к девушке, как земля от неба отличной от Лики и умершей, кстати сказать, только в 1917 году, весной, бывшей больше двадцати лет замужем за другим и имевшей дочку, лет 15-ти умершую от чахотки, на пути из Швейцарии в Россию через Шве-

* В автографе зачеркнуто четыре строк и. Зачеркивание не авторское.

цию — во второй год войны) ¹. Да, не дивитесь, поверьте — *весь* этот роман выдуман *чуть не во всех подробностях даже* — из действительности я взял одну тысячную долю бывшего. Правду писать я бы не мог — было бы бесстыдно быть таким интимным, да и скучна правда — скучно ее писать, — то ли дело врать, выдумывать, волноваться выдумкой, доводить ее до *крайней* убедительности! Вот и вы, дорогая моя, — оттого вам еще трудно писать, что не перешли вы еще в «ложь» (на *сути* правды, конечно, основанную). От всей души желаю вам этого перехода.

У нас уже настоящий рай. А мне, увы, надо ехать на днях в Париж *. Вера Николаевна (с той женщиной, которая живет у нас с своей девочкой шестилетней, совершенно очаровательной ², — «а у нас тоже будут на Пасху бкорки (окорока́)?») переедет в Грасс к 1 мая, верно, без меня. До свидания, дорогой друг.

Ваш Ив. Б.

P. S. Возвращаю вам Пильского — для вашего «архива». Была ли его статья о «Лике»? ³ Я «Сегодня» не получаю.

На конверте: Madame M. Karamzina, Kiviõli, Eesti (Estonie). Почт. шт.: Monte-Carlo, 10.IV.39.

Ответ на письма Карамзиной 2 и 3 апреля 1939 г. В первом из них она писала: «Только что прочла „Лигу“ всю, залпом... А пришла она два дня тому назад, но я только обглядела ее, не разрезая, прочла вапу надпись, заметила ваши поправки, пробежала две-три строчки там, где страницы раскрывались, и положила на полку до конца говения. Что скажу вам о ней? Прежде всего то, что я читала ее не как литературное произведение, и даже вообще как бы не читала, а *погрузилась* в ее глубь, печаль, нежность, молодость, кротость. Это самое нежное из всего вашего в прозе, что я знаю. Не думайте, что я отождествляю Арсеньева с вами, но волшебство этой книги таково, что я именно *была* в ней, была в чем-то таком, где на каждом шагу узнавала бесконечно милое, родное, давнее, для меня теперешней тоже уже прошедшее, ушедшее, юное, а вместе с тем являющееся в настоящем какою-то частью моего чувствования вас, привязанности к вам, того, что, например, так незабываемо пронзило меня при нашем прощании в Тапсе. Того, что было „за“ этим прощанием, чему я не знаю другого названия, как терпкая, жгучая печаль и покорность, печаль не „по поводу“, а *вообще*, — „за“ живверядностью и жадностью, „за“ ежедневными человеческими чувствами...»

3 апреля Карамзина снова писала Бунину: «Я вчера пропустила очень важную главу VIII, которая вся прекрасна и значительна очень, — и эти слова Лики: „Ну, миленький, о чем же тут писать! Что же мне *погоду* описывать!“ Это не в бровь, а в глаз всей этой обывательщине, высокомерно критикующей. Заметила я еще, то есть показалось мне, что недаром сама Лика так нехарактерна, так неясно очерчена. Что любил в ней Арсеньев, почему именно ее полюбил он? В его воспоминаниях о ней нет ни одной черты собственно Ликиной, она вся какое-то имя нарицательное, вообще юношеская любовь, объект для того, чтобы „любить в ней первую любовь“. В этой книге Лика — фон, а Арсеньев, конечно, главное. И на фоне Лики Арсеньев удивительно *живой* и удивительно ясно-юношеский. Так ли, верно ли? А в последних строках слова: „Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда...“ кажется мне, подтверждают мою догадку. В жизни на самом деле, к живому человеку и нельзя, невозможно испытать такой близости, как к „смутно“ ощущаемому во сне, потому, что во сне — сознательное или бессознательно — *властвует*, чувствуя за двоих, тот, кто видит сон — Арсеньев. Это удивительное завершение книги о Лике — этот *сон* о ней. — Я пишу вам, а под боком у меня двое мальчишек рисуют, ссорятся из-за резинки и без умолку тараторят, — я едва могу уловить слова для того, чтобы выразить мои мысли, — простите за неуклюжесть! Я немного боюсь послать вам это письмо, потому что я слишком смело высказываюсь в нем, но я знаю, что вам совершенно не нужны „общие слова“, которые я могла бы написать.

Что вы „сочинили“? Когда можно будет, напишите!

Мы оба с мужем шлем вам и Вере Николаевне наши сердечные поздравления к наступающему празднику (...). Пусть вам хорошо будет в Грассе. Я его заочно люблю, потому что там так много вашего написано.

Спасибо за ласку, за поощрение, за токи, которые должны были бы „открыть“ написание, а я вот такой тяжеловес, такой тугодум — камни какие-то вокруг и

* Адрес прежний — 1, rue Jacques Offenbach, Paris, 16^e.

внутри себя ворочаю — и ни с места. Хоть бы мне чуточку от лихости Марины Цветаевой для начала».

¹ О В. В. Пащенко, являющейся прообразом Лики, см. «Материалы», стр. 25—43, 47—50. Дата ее смерти указана Буниным неточно — она умерла в 1918 г.

² «Та женщина» — Елена Николаевна Жирова (в переписке Буниных — «Ляля»; год рожд. неизв. — ум. 9 февраля 1960), была замужем за Н. Я. Роциным. Девочка — Ольга Жирова, ее дочь (ум. в 1963 г.).

³ Статья Петра Пильского «Лица. Новый роман Ив. Бунина» была напечатана в газете «Сегодня», Рига, 1939, № 102, 13 апреля.

Villa «Belvédère», Grasse, A. M.
(23 мая 1939 г.)

Дорогая Мария Владимировна, пожалуйста, пожалуйста, простите за молчание; приехав в Париж, я вскоре «упал вверх кармашками» — очень заболел простудой, что осложнилось еще той странной болезнью, которая бывает у меня иногда раз или два в год, иногда раз в два года: ужасной болью правого виска, брови и глаза, при которой я должен с утра до вечера отравляться пирамидоном, хинином, аспирином и т. д. и весь день лежать, уткнувшись головой в подушку. Сюда я приехал только на днях, страшно слабый умом, телом и душой. Поправляюсь медленно — тем более, что такого холода и таких дождей я в Грассе просто не запомню. Поправлюсь — напишу вам как следует, а сейчас только прошу у вас прощения и осведомляю вас.

Я все получил — и рассказ, и Пильского, и письмо ваше, и открытку со стихами. Получил ли «Витязя» — не помню — повторяю, «лежал во все горло», идиотом. Напишу в «Русские записки» насчет рецензии на «Ковчег». Стихи ваши мне очень понравились, рассказ — простите — не удовлетворил: конечно, написан, как все вы пишете, чисто, умно, ладно, но — не сжато, не крепко, а главное — с неожиданным и неудительным концом, то есть с этой внезапной и не очень понятной тетей Верой и любовью к ней героя рассказа. Я очень, очень был бы рад, если бы вы где-нибудь начали печататься: это подтянуло бы вас в писании, стало бы завлекать в него — и т. д. Но где можно печататься? Не вижу такого места в Париже.

Целую вашу руку, дорогая моя, поклон от меня и Веры Николаевны всему вашему дому.

Ваш Ив. Б у н и н

Рассказ высылаю.

На конверте: Madame Karamzine. Kiviõli, Eesti, Estonie. Exp.: Bounine. Villa «Belvédère». Grasse, A. M. Почт. шт.: Grasse, 23.5.39.

Датируется по почтовому штемпелю. Ответ на неизвестное письмо Карамзиной.

21. VI.39

Villa «Belvédère», Grasse, A. M.

Дорогая Мария Владимировна, погода стоит у нас до сих пор просто небывалая, и я все еще валяюсь с книжками в руках, все еще слаб, туп — оттого и не писал вам. Спасибо за карточку, — мальчики ваши просто прелесть, дай бог не сглазить, — спасибо за сердечность вашего письма.

Стихи о России пишутся чаще всего риторически, — таковы они у Тютчева, Хомякова, Аксакова, даже у Пушкина, — риторично и ваше, хотя местами очень хорошо, и не пишете вы таких стихов, если не хочется.

Тут-то, верно, хотелось, но я говорю вообще — не слушайте упрекающих вас за отсутствие «патриотических» стихов, ну их, извините, к черту, и не вменяйте себе в обязанность быть «патриотическим» поэтом. Второе ваше стихотворение мне больше нравится, в нем есть совсем чудесные слова, но позвольте быть и тут откровенным — есть и в нем риторика (и непонятность). Но все это не беда, — главное, пишите почаще, побольше — в нашем деле очень важно почти не выходить из некоторого опьянения и внутренней и внешней работой.

Что до прозы, то напрасно вы жалуетесь на вашу «бездарность» в ней и на «правдивость» вашей природы. Правдивость не может мешать лжи в смысле выдумки. Вот как прекрасно вы написали несколько строк про то, как были на тяге — присочинивши что-нибудь к подобным строкам, к подобному вечеру, можно написать отличный рассказ. Вы просто очень мало опытни в этом деле, — поработайте над прозой год, два — и, убежден, окажется, что вы вовсе не «бездарны».

Целую вашу руку, дорогая моя.

Ваш Ив. Б у н и н

P. S. Получили ли ответ от Милюкова? ¹

На конверте: Madame M. Karamzine, Kiviõli (Raudt. 43—2), Eesti (Estonie). Почт. шт.: Grasse, 22.VI.39.

Ответ на неизвестное нам письмо Карамзиной.

¹ Ответ — относительно предполагаемой публикации стихов Карамзиной в «Русских записках» (см. п. 16 и 19).

⟨Грасс, 25 июня 1939 г.⟩

Дорогая Мария Владимировна, несмотря на фэй, стихи мне понравились (кроме «волшебного *излишка*» — и ненужных многоточий в двух местах). Пошлите в «Русские записки». Откажут — опять шлите что-нибудь. И так без конца: пробиваться надо упорно и долго. Я чувствую себя лучше, хотя все еще холод, тучи и дождь. Ходасевича, конечно, жалко — все-таки он был не чета прочим, многим теперешним стихотворцам и критикам (хотя далеко не все понимал) ¹. Сердечный привет вам и вашему мужу от меня и Веры Николаевны.

Ив. Б.

25.VI.39

P. S. Все лежу и читаю. Перечитал дневники и письма Алексея Константиновича Толстого. Совершенно удивительный был человек (и поэт, конечно)! ² Достаньте издание Маркса и перечитайте ³.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli, 43—2, Eesti (Estonie). Почт. шт.: Grasse, 26.6.39.

Открытка. Ответ на неизвестное нам письмо Карамзиной.

¹ Отклик на известие о смерти В. Ф. Ходасевича.

² В статье, посвященной 50-летию со дня смерти А. К. Толстого, Бунин писал: «Гр. А. К. Толстой есть один из самых замечательных русских людей и писателей, еще и доселе недостаточно оцененный, недостаточно понятый и уже забываемый». По словам Бунина, «произведения Толстого есть лучшее доказательство богатства его природы и его разносторонности, столь отличной от искусственной и бездушной „многогранности“ наших современников» (газ. «Возрождение». Париж, 1925, № 132, 12 октября).

³ Полное собрание сочинений А. К. Толстого (т. I—III) было выпущено А. Ф. Марксом в качестве приложения к «Ниве» за 1907 г. Последний, IV том (дневники и письма) был издан в 1908 г.

М. В. КАРАМЗИНА
С СЫНОВЬЯМИ
САШЕЙ И МИШЕЙ
Фотография. Кивиоли, май 1939 г.
Парижский архив Бунина

22

〈Канн, 8 августа 1939 г.〉

Очень благодарю вас, дорогая моя, за прекрасное письмо. На днях напишу вам. Целую руку.

Ваш Ив. Б.

Адрес: Madame M. Karamzine. Kiviõli, 43—2. Eesti. Estonie. Почт. шт.: Cannes, 8.VIII.39.

Открытка с фотографией и подписью: Juan-les-Pins. Côte d'Azur. Дата и место отправления определены по почтовому штемпелю.

23

〈Канн〉 28.VIII.39

Дорогая Мария Владимировна, простите, пожалуйста — все собирался написать вам длинное, длинное письмо в ответ на ваше — совершенно чудесное — да все ездил каждый день купаться (это от нас все же неблизко — 35 километров туда-назад), уставал — да так и не собрался написать. А теперь пишу кратко, среди больших волнений и полного незнания, что с нами будет и куда нам деваться, «ежели что»... В Париж сейчас нельзя — поезда переполнены, — здесь тоже может быть несладко... Alors... Сидим и ждем...¹

Вера Николаевна тоже все собиралась вам написать — и тоже напрасно. Кроме того, чувствует она себя плохо — очень малокровна, нервна, слаба. Говорила вчера, что все-таки напишет. Очень, очень тронута вами.

Как вы? Напишите. И да хранит всех вас бог.

Ваш Ив. Б у н и н.

Р. С. Есть ли у вас копия того письма, что вы мне написали? Или — записали ли вы ваше путешествие? ² Его надо непременно напечатать — если все «образуется».

На конверте: Madame M. Karamzine. Raudtee t. 43—2, Kiviõli, Eesti, Estonie. Почт. шт.: Cannes, 28.8.39.

На бумаге с бланком: «Grand café des Négociants. Place de la gare. Cannes».

Ответ на неизвестное нам письмо Карамзиной.

¹ Эти строки отражают напряженное положение накануне второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г.

² М. В. и В. А. Карамзины в то лето совершили путешествие на Ладожское озеро, на остров Валаам.

24

〈Grasse〉 21.X.39

Где вы и что с вами, дорогой друг? Писал вам — от вас ни слова. Очень беспокоюсь. Отзовитесь. Да хранит вас всех бог.

Ваш Ив. Б у н и н

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli. Eesti (Estonie).— I. Bounine. Villa Jeannette, Grasse, A. M. 〈Почт. шт. не отписулся.〉 Открытка.

Тревога Бунина вызвана войной, начавшейся 1 сентября 1939 г.

25

〈Grasse〉 18.XI.39

Дорогая, милая Мария Владимировна, получил ваши две открытки — тронут ими необыкновенно. Из нынешней открытки узнал, что вы получили мою, давнюю, но я вам послал три, а не одну за это время. Живем на чудесной английской вилле, на такой высокой горе, что вид кругом необозримый. Писать до сих пор не могу, все читаю или сижу на солнце (очень жарком) в саду. Однообразие, грусть, одиночество. Вера Николаевна очень благодарит вас обоих за память. Поклон всему вашему дому, целую вас от всей души.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli, Eesti (Estonie). Exp. J. Bounine. Villa Jeannette, Grasse, A. M. Почт. шт.: Grasse, 18.XI.39.

Открытка. Ответ на неизвестные нам открытки Карамзиной.

26

〈Grasse〉 3.I.40

Дорогой друг, поздравляем и мы вас и весь ваш дом с праздником и с Новым годом. Счастлив, что пока вы все благополучны. На ночь поминую вас мысленно на молитве. Последняя неделя у нас очень мрачна — туманы, снег (да еще какой!), в доме холод ужасный, невзирая на центральное отопление, все мы переохворали, я адски кашляю и все пью ром, ничего не могу делать, кроме чтения (журналы 60—70-х годов из ниццской церковной библиотеки), утром жадно жду газет, вечером слушаю радио, крестясь внутренне при каждой доброй весте — и со страхом думая о будущем. Помогите им господь, стократ несчастным!

Не думаете ли напечатать где-нибудь о своем летнем паломничестве? ¹ Пришлите то новое, что я не знаю. Чувствуете себя усталой? Я тоже, конечно. Ужасно хочется в Париж — хоть кого-нибудь повидать, да не позволяет бедность — один проезд чего стоит! Целую вас очень сердечно.

Ваш Ив. Б.

На обороте: Madame M. Karamzine, Kiviõli 43—2. Eesti (Estonie).—Exp.: J. Bounine, Grasse, A. M. Почт. шт.: Grasse, 3.I.40.

¹ См. п. 23 и примеч. 2 к нему.

27

〈Грасс, 23 февраля 1940 г.〉

Дорогая Мария Владимировна, был почти месяц в Париже, только что вернулся и получил ваши письма. Очень благодарю за них, завтра, послезавтра напишу вам еще.

Ваш Ив. Б.

23.II.40

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli 43—2, Eesti (Estonie). Exp.: J. Bounine. Villa Jeannette, Grasse. Почт. шт.: Grasse, 24.II.40.

Открытка. Ответ на неизвестное письмо Карамзиной.

28

〈Грасс, 26 февраля 1940 г.〉

Дорогая Мария Владимировна, вчера послал вам открытку¹ — писал, что долго был в Париже, только недавно вернулся. Пишу вам прямо — стесняюсь посылать письмо через И. В.² — вводить ее в расходы при ее бедности. Открытки ваши и письмо со стихами давно получены. Из стихов мне очень понравилось «После чтения Бар<атынского>»³, в первом же есть только отдельные прекрасные строки. За все прочее — за то, что пишете о себе, о том, что видите, читаете, чувствуете, и за вашу доброту и дружбу ко мне — не знаю, как и благодарить вас! Простите краткость — очень устал от Парижа, от переездов туда и сюда — очень мучительных. Вера Николаевна чрезвычайно тронута вами и Василием Александровичем, благодарит вас обоих за память. Пожалуйста, пишите мне. Обнимаю вас от всей души.

Ваш Ив. Б.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli, Eesti (Estonie). Exp.: Bounine, Villa Jeannette, Grasse, A. M. Почт. шт.: Cannes, 26.II.40.

Открытка. Дата отправления определена по почтовому штемпелю; место отправления — по обратному адресу. Ответ на неизвестное нам письмо и открытки Карамзиной.

¹ См. п. 27.

² Кто такая И. В., установить не удалось.

³ Стихи Карамзиной, написанные после издания сборника «Ковчег», нам неизвестны.

29

〈Грасс〉 4.IV.40

Мой дорогой далекий друг, с неделю тому назад получил вашу открытку от 6.III, не ответил сразу, будучи простужен (теперь здоров). До 1 апреля было у нас очень холодно, теперь как будто начинается весна — бездна солнечного света в огромном пространстве под нами и в необъятном небе.

Про стихи вам писал — вы, думаю, получили эту открытку¹, — только после 6 марта. Не бросайте, ради бога, писание о вашем летнем паломничестве — *теперь* это особенно нужно. Я ужасно страдал в середине марта. Счастлив тем, что пишете о «Цикадах», только почему вы их переписали? Разве у вас нет той книги из «Собрания сочинений», в которой они? Напишите, — если нет, пришлю². Я по-прежнему все читаю и читаю, но, дай бог не слезить, стал присаживаться за письменный стол, несмотря на то, что всю зиму, как никогда, неотступно думал (да и теперь думаю) о тщете всего и смерти — уже как о деле реальном и близком — ну, пять еще лет, ну, в крайнем случае, десять — ведь это пройдет так скоро, что не

успеешь оглянуться. Думал об этом и прежде, но совсем, совсем не так. И все руками развожу: что за дикая нелепость — меня вот-вот не будет! А мне всего еще лет 30! И — прости меня боже! — эта гнусность — гроб, посыпание землей через кисею и т. д. Но простите, умолкаю. Обнимаю вас от всего сердца.

Ваш Ив. Б.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli 43—2. Eesti, Estonie. Exp.: I. Bounine. Villa Jeannette, Grasse, A. M. Почт. шт.: Grasse, 5.4.40.

Открытка. Место отправления определено по почтовому штемпелю. Ответ на неизвестную нам открытку Карамзиной 6 марта 1940 г.

¹ См. п. 28.

² Рассказ «Цикады» (позднее озаглавленный «Ночь») был напечатан в Собр. соч. 1934—1936, т. IX.

〈Grass〉 12.IV.40

Получил вчера вашу открытку par avion. Перед тем писал вам ¹. Опять и опять горячо благодарю вас за все. Вера Николаевна на днях едет в Париж (1, rue Jacques Offenbach, Paris, 16^e), очень огорчена — заболел чахоткой писатель Зуров, который несколько лет тому назад целых шесть лет жил у нас в Грассе. Вот и все наши новости. Остальное вы знаете. У нас до сих пор холод, тошим, но иногда просто не могу писать — стынут руки. Наша Пасха 28-го. Христос воскрес, дорогой друг. Поцелуйте всех ваших от нас.

Ив. Б.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli 43—2, Eesti (Estonie). Exp.: I. Bounine. Villa Jeannette, Grasse, A. M. Почт. шт.: Grasse, 13.IV.40.

Открытка. Место отправления определено по почтовому штемпелю. Ответ на неизвестную нам открытку Карамзиной.

¹ См. п. 29.

〈Lafrançais〉 5.VII.40

Дорогой, милый друг, почти три недели как мы все покинули Grasse, находимся в городишке Lafrançaise (линия Тулуза — Бордо), что пережили и переживаем — и сказать невозможно ¹. Надеемся на днях вернуться назад, домой. Напишите мне туда. Целую вас с большой любовью, кланяюсь вашему мужу.

Ваш Ив. Б.

На обороте: Madame M. Karamzine. Kiviõli, Raudtee t. 43—2. Eesti (Estonie). Exp.: I. Bounine chez Mr Graysnow. Lafrançaise (Tarn et Garonne). Почт. шт.: Lafrançaise, 5.7.40; Kiviõli, 29.VII.40.

Открытка.

¹ В. Н. Бунина писала Т. Д. Муравьевой-Логиновой по возвращении в Грасс, 14 июля 1940 года: «Мы после объявления войны Италией покинули Грасс. Уехали в сторону Монтобана. В Монтобана ничего не нашли, и Ляля <жена Н. Я. Рощина. — А. Б.> посоветовала ехать в Лафрансез, где у нее есть знакомые. И мы нагрянули на бедных людей, которые нас всех приютили на одну ночь, а затем все наши дамы перешли в деревенский отель, а мы там и прожили двадцать два дня <...>

Наше путешествие стоило нам очень дорого и взяло много душевных и физических сил. В Lafrançaise нет никаких удобств. И нужно было выбирать между конюшней и чистым полем! Трудно было с питанием. Негде было готовить, а рестораны становились не по средствам. Овощей там очень мало. Фрукты дороги...» (Сообщено Т. Д. Муравьевой-Логиновой — см. также ее воспоминания в настоящ. томе, кн. 2).